

Майкл Дэвид-Фокс

Экосистема Катерины Кларк¹

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_18

Michael David-Fox
Katerina Clark's Ecosystem

Майкл Дэвид-Фокс

Джорджтаунский университет, заведующий Центром евразийских, российских и восточноевропейских исследований, профессор; PhD md672@georgetown.edu

Michael David-Fox

PhD; Professor, Director of the Center for Eurasian, Russian and East European Studies, Georgetown University
md672@georgetown.edu

Катерина Кларк, всегда учившая нас рассматривать мастер-нarrативы, искусство, политику, и интеллектуальные взаимосвязи как части более крупной культурной экосистемы, сама работала в контексте схожей интеллектуальной экологии. На протяжении своей карьеры она рассматривала эволюцию революционной культуры: идеи и эстетические программы ею руководящие, сложные взаимоотношения между политикой и идеологией. На первом месте, однако, у нее всегда стояли культурные акторы, писатели и интеллектуалы, которые гнались за образом революции через различные эстетические формы, жанры и национальные границы.

Однажды, сидя в библиотеке Стерлинг, я нашел копию диссертации Кэти «Образ интеллигента в советской прозе 1917–1932 годов», которую она защитила в 1971 году². Когда я рассказал ей об этом, она отмахнулась, видимо смущившись, что я прочел текст, который она не сочла достойным публикации. Однако Кэти не поняла, что, хотя я и нашел для себя много интересного материала в ее диссертации, моей целью было обнаружить следы ее интеллектуального пути.

Я стал наблюдателем интеллектуальной экосистемы Катерины Кларк относительно понятным образом. Кэти стала членом моего докторской комиссии, когда я был аспирантом в 1990-е годы. Я никогда у нее не учился, но в те годы мы оба активно занимались культурой 1920-х годов. Ее подход к эпохе, описанный в главе 1991 года «Тихая революция в советской интеллектуальной жизни»³, был во многом созвучен с моим: мы оба рассматривали НЭП не как потерянную альтернативу советского проекта, а как время ускоряющейся культурной революции, которое многое объясняло как о большевистской революции в целом, так и о генезисе сталинской культуры.

1 Перевод с англ. Вени Гущина. Оригинал статьи («Katerina Clark's Ecosystem») был впервые опубликован в журнале *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2024. Vol. 25. № 3. P. 676–682.

2 *Clark K. The Image of the Intelligent in Soviet Prose Fiction, 1917–1932. New Haven: Yale University**, 1971 [dissertation].

* Yale University (США) признан нежелательной организацией на территории РФ.

3 *Clark K. The «Quiet Revolution» in Soviet Intellectual Life // Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture / Ed. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1991. P. 210–230.*

В годы до и после моей защиты в 1993 году Кэти ни разу не проронила ни слова о том, что она готовила к публикации одну из самых значимых работ в истории дисциплины: «Петербург, горнило культурной революции». В личной жизни, как и в работе, Кэти всегда оставалась весьма скромной при том, что она была одним из самых глубоких интерпретаторов русской и советской культуры. Больше всего ее занимали идеи — и, конечно, люди. В те годы я знал, что она была тихой и сдержанной, но не догадывался, что она к тому же часто была очень стеснительной. Только спустя годы я смог оценить, насколько теплой Кэти могла быть, когда она отbrasывала свою сдержанность и проявляла невероятную преданность коллегам, студентам и друзьям. Ее преданность интеллектуальному сообществу — немаловажная часть ее наследия.

Затем я впервые прочитал «Петербург» в 1995 году, сразу после выхода в свет, когда уже начал переделывать свою диссертацию в книгу «Революция мозга» (1997). Наверное, можно прочитать тысячи книг и не испытать того незабываемого чувства, которое я испытал, прочитав эту книгу. Еще не зная о ее шедевре, я ввел метафору «экосистема» в свою первую книгу, даже гордился этим. Я использовал ее не для описания работы революционной культуры, как это сделала Кларк в «Петербурге», а для описания динамики ранней советской политической культуры. Читая «Петербург», я быстро осознал, насколько использование метафоры в моей работе было дополнением к гораздо более масштабной концепции Кларк⁴. Я был просто потрясен во время первого прочтения этого знакового исследования — одного из многих знаковых исследований в ее блестящей академической карьере.

Хотя мой подход к концепции экосистемы, вероятно, в какой-то мере отражает ее влияние, мой случай не исключение. Влияние Катерины Кларк на историков советской культуры и политики за весь период «постревизионистского» развития этой дисциплины глубоко ощущимо. Тот же трепет я испытал при чтении следующей ее книги «Москва, четвертый Рим», во многом развивающей модель «Петербурга»⁵. Читая эти две работы, я изменил собственное понимание эпохи и на уровне общего ракурса, и на уровне отдельных деталей. Поскольку это первоначальное чувство во мне никогда не ослабело, на протяжении четверти века я приглашал Кэти при любой возможности принять участие в дискуссиях, конференциях и любых других возможных проектах, которые могли бы свести нас вместе. К моему удивлению, она почти всегда соглашалась. В 2000 году она вошла в редакционный совет журнала *Kritika* с момента его основания и никогда не покидала его, внося многообразный вклад в развитие журнала в ролях рецензента рукописей, рецензента книг и авторки⁶.

4 Кларк К. Петербург, горнило культурной революции / Пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. *David-Fox M. Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997. P. 190–191.

5 Кларк К. Москва, четвертый Рим. Стalinизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / Пер. с англ. О. Гавриковой и А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

6 Clark K. Besedy na Lubianke: Sledstvennoe delo Dërdia Lukacha. Materialy k biografi (Review) // *Kritika*. 2001. Vol. 2. № 2. P. 451–455; Clark K. Germanophone Intellectuals in Stalin's Russia: Diaspora and Cultural Identity in the 1930s // *Kritika*. 2001. Vol. 2. № 3. P. 529–552; Clark K. Ehrenburg and Grossman: Two Cosmopolitan Jewish Writers Reflect

Конечно, работы Катерины Кларк о Бахтине и социалистическом реализме, о которых в этом номере рассказывает Евгений Добренко, охотно читались историками в период расцвета советской культурной истории и культурологии. Но именно ее книги о Петербурге и Москве больше всего изменили российскую и советскую историю XX века. В «Петербурге» Кларк ввела понятие «экология русской революционной культуры»⁷. Размышления об экосистеме помогают понять границы, определяют пределы возможного. Они позволяют задуматься о том, как практики и культурные артефакты, флора и фауна системы, развивались и мутировали вместе с самой системой. Как и в эволюционном процессе, описанном Дарвином, некоторые виды вымерли во время травматического «эволюционного шока».

Книга «Москва, четвертый Рим» уже не использовала экосистему в качестве главной метафоры — у авторки были другие намерения. Цель Кларк заключалась в том, чтобы привнести в изучение сталинизма то, что до публикации книги считалось «заброшенным» международным, транснациональным и имперским измерением, опираясь на исследование Москвы как центра новой советской «цивилизации». Однако было ясно, что «Москва» опиралась на здание, возведенное «Петербургом». В самом начале «Москвы» Кларк напоминает о своем подходе в «Петербурге», говоря о «культурной экосистеме СССР 1930-х годов»⁸. По сути, как и в 1920-е годы, она по-прежнему рассматривала советскую культуру 1930-х годов как культурную систему или «мир», на этот раз подчеркивая, что она глубоко взаимодействовала с системами и мирами, находившимися за ее пределами. В данной работе это прежде всего были Европа и США. «Эта более широкая перспектива, — пишет она, — позволит мне продемонстрировать существование различных тенденций, различных прочтений текстов и различных сил в мире сталинской культуры, равно как и существование схожих тенденций в СССР и на Западе»⁹.

В отличие от многих западных славистов, изучающих русскую и советскую культуру, Кларк работала в архивах. Вместе с Добренко она даже стала соредактором аннотированной документальной истории «Советская культура и власть, 1917–1953» в серии «Анналы коммунизма»¹⁰. Но в общем ее целью в архивах не было тщательное документирование того, почему и как происходили события. Мне потребовалось несколько лет, чтобы понять, что как интерпретатор культурной экосистемы Кларк, в отличие от большинства историков, не была озабочена вопросами причинно-следственных связей. На самом деле она прочла гораздо больше архивных материалов, чем когда-либо цитировала, но изучала их скорее как один из способов погружения в мир культуры и политики, который ей предстояло переосмыслить в значительной

on Nazi Germany at War // *Kritika*. 2009. Vol. 10. № 3. P. 607–628; Clark K. Indian Leftist Writers of the 1930s Maneuver among India, London, and Moscow: The Case of Mulk Raj Anand and His Patron Ralph Fox // *Kritika*. 2017. Vol. 18. № 1. P. 63–87.

7 Кларк К. Петербург. С. 22. Цитата в русском переводе: «среда революционной культуры в России». Цитата в английском оригинале: «ecology of Russian revolutionary culture» (Clark K. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. P. 8).

8 Кларк К. Москва, четвертый Рим. С. 41.

9 Там же. С. 12–13.

10 Soviet Culture and Power, 1917–1953 / Eds. by Clark K., Dobrenko E.; comp. A. Artizov, O.V. Naumov; trans. Marian Schwartz. New Haven: Yale University Press, 2007.

степени. Ее черновые тексты были беспорядочны, цитаты часто неполны. Как Сальери Моцарту, я всегда прощал ей это, поскольку, как я напоминал себе, я имел дело не с обычным академиком. Интерпретационная оригинальность, смелое, ассоциативное мышление и вызывающий стиль всегда были отличительными чертами ее работ.

Для историков, фокусирующихся на партийном аппарате и его идеологических установках, для дисциплины советской истории, в которой огромные возможности «архивной революции» слишком часто превращались в специализированный разбор институциональных боев или указов, хранящихся в бюрократическом архиве, экосистемный подход Кларк наметил пути к более глубокому анализу. Если стремление к культурной революции создало теплицу культурной эволюции, то, по ее мнению, за обоими явлениями не стояло лицо, обладающее «абсолютной агентностью». Привожу ее слова из «Петербурга»:

Культурная революция может произойти только в уже существующей экосистеме. Соответственно, мы отвергаем идею о том, что советская культура сформировалась в 1920-е и 1930-е годы, когда партия, как Медный всадник, гналась за ничего не подозревающей интеллигенцией, чтобы заставить ее принять убогую культуру соцреализма. В эволюции советской культуры нет единой и абсолютной силы, которая сформировала бы ее¹¹.

Или как она пишет в «Москве»:

Я собираюсь рассказать о культуре 1930-х годов, не останавливаясь на теме репрессий или титанической борьбы между политическим режимом и диссидентами. Я не ставлю эту тему под сомнение, но мне хотелось бы поместить ее в более широкий контекст и показать, как на протяжении всех этих лет страна развивалась в качестве самостоятельной «цивилизации», но при этом взаимодействуя с внешним миром¹².

Если Кларк рассматривала Петербург как горнило революционной культуры, место, где она родилась и произошла, то Москву она анализировала как материальный и символический центр сталинской культуры. Оба проекта привели ее к тому, что она органично включила в свои работы элемент городского пространства, не только с точки зрения архитектуры, градостроительства, памятников и скульптур, но и с точки зрения иерархии центра и периферии, концепций времени и пространства, а также места культуры и созвездия искусств в революционном и сталинском государствах.

Если в Петербурге «столица многие российские интеллектуалы приняли систему представлений, которая в своих крайних формах напоминала религиозную секту, то ее идолами были не Маркс или Ленин, а скорее определенная версия культуры»¹³, то в сталинской Москве «Великая Апроприация»¹⁴ мировой культуры пыталась превратить и столичный город, и советскую культуру в маркеры высшей социалистической цивилизации. «Москва потенциально оказывалась центром нового, транснационального имперского образования, своеобразного нового “Рима”» или «“града искусств” (*Kunststadt*)», — писала она¹⁵.

11 Кларк К. Петербург. С. 27.

12 Кларк К. Москва, четвертый Рим. С. 12.

13 Кларк К. Петербург. С. 13.

14 Кларк К. Москва, четвертый Рим. С. 15.

15 Там же. С. 21–22.

Культ культуры, своего рода суррогатная советская религия, вышел на первый план на протяжении сталинских 1930-х годов.

Города также были ключом к международной сети авангардистов, интеллектуалов и революционеров. Кларк уже давно уделяла большое внимание европейско-советским связям, и в частности германоязычной интеллигенции и взаимодействию между Веймаром и СССР. В «Петербурге» она писала о «комплексе Гермеса» — тенденции интеллектуалов и революционеров видеть себя в качестве выдающихся фигур, посланников и освободителей¹⁶. Опираясь на предшествующие выводы, «Москва, четвертый Рим» стала одним из первых транснациональных исследований в области изучения Советского Союза.

Кларк указала дорогу исследованиям интеллектуалов как транснациональных брокеров и посредников. Четыре самых важных интеллектуальных посредника в ее Москве — Михаил Кольцов, Сергей Третьяков, Илья Эренбург и Сергей Эйзенштейн — все владели немецким языком. Троє из них приехали с периферии в Москву; все, кроме Третьякова, были евреями, и только один из них, Кольцов, был членом партии. Все они были основоположниками антифашистской культуры середины 1930-х годов, описание их международной деятельности является одним из главных вкладов исследования. Все они были, пользуясь ее запоминающимся неологизмом, «космополитическими патриотами»¹⁷.

Хорошо помню, как Кэти выбрала термин «космополитизм» для подзаголовка книги. Как мы уже говорили, «интернационализм» — первоначальный выбор и термин, который продолжает некритически использоваться во многих других последующих исследованиях, был неподходящим, будучи советским политическим термином, который скрывал многие другие намерения, в том числе имперские, государственные и национальные. Космополитизм отражал интенсивное «желани[е] взаимодействовать с другими культурами и интеллектуалами всего мира»¹⁸. Действительно, один из ключевых аргументов книги касался того, как «националистические и империалистические тенденции сосуществовали и зачастую пересекались с определенной формой космополитизма»¹⁹. Взаимосвязь империализма, национализма и патриотизма в российско-советском контексте до сих пор вызывает недоумение. «Москва» Кларк начинает разгребать эти терминологические заросли.

Следующая книга Кларк «Евразия без границ: мечта о левом литературном сообществе, 1919–1943» (2021) была посвящена взаимодействиям вышеупомянутых советских посредников с несоветскими собеседниками²⁰. Но на этот раз исследуемый ею транснационализм действовал не в рамках одной культурной системы, а в рамках «экumenы» — то есть географически разбросанного сообщества, объединенного одной целью, в данном случае антикапиталистической, антиимперской, а в 1930-е годы антифашистской «мировой литературой» — в огромном пространстве евразийского «Востока». Путешествие через Турцию, Персию, Афганистан, Индию, Китай, Японию и Монголию для культурного взаимодействия в поисках социалистического «литературного сообщества» было

16 Кларк К. Петербург. С. 40.

17 Кларк К. Москва, четвертый Рим. С. 48–63.

18 Там же. С. 11.

19 Там же. С. 10.

20 Clark K. Eurasia without Borders: The Dream of a Leftist Literary Commons, 1919–1943. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2021.

типично смелым шагом ученого. Широта контекстов была огромной, и Кларк опиралась на опыт многих других ученых в области языков и источников.

В «Евразии» Кларк исследовала, как горизонтальные связи действуют внутри экумены одновременно с вертикальными «директивами, примерами и стандартными риторическими тропами, исходящими из Москвы» как метрополии. Левые космополиты — это «лица и группы, которые стремились к боковым связям, более слабой структуре принадлежности и более подвижной эстетике». В своем стремлении к эстетической мечте они разделяли «ментальную ориентацию». Но они также постоянно взаимодействовали с более официальными и влиятельными фигурами, которые Кларк назвала «космополитами-гегемонами». Например, одним из них в книге является Цюй Цюбо, ведущая фигура в ранних китайско-советских культурных отношениях.

Возможно, потому, что маоизм в Китае был двоюродным братом сталинизма, который Кларк изучала на протяжении многих десятилетий, китайский контекст был, пожалуй, самым глубоко изученным в «Евразии». В начале 2000-х годов Кэти провела год в Пекинском университете. Ее особенно увлек период становления китайской коммунистической культуры и идеологии, особенно с точки зрения попыток Мао «перевести» идеологически нагруженные тексты и практики в другую культурную систему²¹.

Последний книжный проект Кэти был посвящен Чингизу Айтматову — послевоенному кыргызскому писателю, писавшему в основном на русском языке, автору давно ее интересовавшему²². Рукопись, которую она оставила после двух финальных лет исследований и написания книги, рассматривает Айтматова как фигуру, перемещающуюся по нескольким экосистемам — Айтматов как кыргыз и человек из Центральной Азии, как советский бюрократ и, наконец, как советский космополит.

Последний проект, в котором мы с Кэти приняли участие, еще не завершен: «Сравнение революционного опыта: Россия/СССР и Китай/КНР в XX веке». В рамках этого международного проекта 22 китайских и советских специалиста ведут диалог об истории СССР и Китая в XX веке. Для нашей главы мы с Кэти сотрудничали с экспертом по Культурной революции в Китае и ее последствиям Барбарой Миттлер. Кэти энергично и охотно участвовала в обсуждении китайско-советских сравнений на нескольких конференциях, начавшихся в 2019 году и продолжавшихся во время и после пандемии. Однажды, после того как она начала бороться с раком, она даже подключилась к конференции через Zoom с выключенной камерой. Осенью 2023 года, когда она временно восстановила силы, а рак был в стадии ремиссии, что дало надежду ее семье и друзьям, Кэти спокойно и решительно приступила к выполнению своих оставшихся научных обязательств. В их число входило эссе в ответ на работу Миттлер и длинное эссе по широкому кругу вопросов в диалоге с китайским контекстом: «Революция в советской культуре: Последовательные десятилетние праздники памяти великого вождя в заказных фильмах и спектаклях 1927–1987 годов». Кэти выполнила свое последнее задание. Все, кто работал с ней над этим проектом, будут гордиться тем, что опубликуют ее работу посмертно. Ее будет ужасно не хватать, но она никогда не будет забыта.

21 Clark K. Eurasia without Borders. P. 22–23, 198, 315.

22 Clark K. The Mutability of the Canon: Socialist Realism and Chingiz Aitmatov's I dol'she veka dlitsia den? // Slavic Review. Vol. 43. № 4. 1980. P. 573–87.